

Ана Фликкер

ОЗЕРО ЗАБЫТЫХ ДЕВ

Некоторые секреты не тонут. Они ждут на дне.

18+

Ана Фликкер

Озеро Забытых дев

«Автор»

2026

Фликкер А.

Озеро Забытых дев / А. Фликкер — «Автор», 2026

Четыре подруги — Алина, Кира, Соня и Яна — приезжают на отдаленный лесной хутор, чтобы беззаботно провести выходные и отпраздновать Купальскую ночь. Их план прост: старый уютный дом, вино, венки из полевых цветов и живописная природа. Но идеальный отдых с первых минут омрачается гнетущей атмосферой места. Озеро у дома пугает своей бездонной торфяной чернотой, абсолютной неподвижностью и обжигающим ледяным холодом. Вокруг нет ни птичьих голосов, ни всплесков рыб — водоем кажется застывшим, затаившимся зверем. А прошлое, которое они так отчаянно пытались оставить позади, начинает проступать сквозь черную гладь. То, что задумывалось как веселая вечеринка, превращается в парализующий кошмар, когда пучины озера пробуждаются. Когда древние поверья оживают, а бравада оборачивается первобытным ужасом, девушкам предстоит столкнуться со своими страхами. Смогут ли они пережить эту бесконечную ночь и доказать, что прошлое не имеет над ними власти, или темная вода заберет новых жертв?

© Фликкер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ана Фликкер

Озеро Забытых дев

Пролог

Зной давил на плечи тяжелой, раскаленной плитой. В июле четырнадцатого года лето выдалось бешеное, злое — трава выгорела еще к середине июня, превратившись в ломкую сухую солому, а земля на старом карьере потрескалась глубокими, неровными морщинами. Воздух застыл. Он пах сухой глиной, ржавым железом и застоявшейся, гниющей у берегов водой. Сухой, удушливый блеск солнца слепил глаза, выжигал краски, оставляя только грязно-желтый цвет обрывистых склонов и тяжелую зелень глубокой воды.

Их было пятеро. Девчонки из одного двора, тринадцатилетние подростки, застрявшие в том странном и опасном возрасте, когда детская обидчивость уже смешивается со взрослой, осознанной жестокостью. Сюда, на дальний заброшенный карьер за поселком, ходить запрещалось строго-настрого. Родители пугали их утопленниками, водоворотами, какими-то мифическими беглыми зеками, но запреты только подливали масла в огонь. Карьер казался их личным королевством, скрытым от чужих глаз за глухой стеной колючего кустарника и молодых сосен.

Алина стояла у самого края глиняного уступа, заложив руки за спину. Короткие шорты, майка на лямках, волосы стянуты в тугий, высокий хвост. В ее фигуре уже проглядывала будущая женская уверенность, граничащая с наглостью. Она была негласным лидером их компании. Кого Алина приближала к себе — та купалась в лучах дворовой славы. Кого отвергала — становилась изгоем.

В тот день изгоем оказалась Лера.

Лера сидела чуть поодаль, на плоском, нагретом солнцем валуне. На ней был простенький ситцевый сарафанчик в мелкий цветочек — нелепый, детский. Она подтягивала колени к подбородку, обхватив их тонкими, покрытыми цыпками руками. Глаза у Леры были красными, припухшими от слез, но в глубине зрачков горело упрямство. Глупая, ничтожная ссора из-за какого-то парня, старшего брата Киры, который улыбнулся Лере, а не Алине, разрослась до масштабов катастрофы.

— Ты думаешь, ты лучше всех? — голос Алины прозвучал негромко, но в абсолютной тишине карьера он резанул слух, как кусок битого стекла. — Думаешь, если у тебя папа на иномарке ездит, тебе все можно? Королева нашлась.

Кира и Соня стояли чуть позади Алины, преданно заглядывая ей в рот. Кира закивала, ее круглое лицо выражало готовность поддержать любую гадость. Соня промолчала, но сделала шаг вперед, обозначая свою принадлежность к «правильной» стороне. Только Яна, самая робкая из них, топталась в паре метров, испуганно перебирая пальцами край своей футболки. Она чувствовала: воздух вокруг них стал слишком густым. Так бывает перед сильной грозой, когда кожа начинает чесаться от невидимого электричества.

— Я ничего такого не думала, — тихо ответила Лера. Голос ее дрожал, но она не отвела взгляд. — И Игорь сам ко мне подошел. Он сказал, что ты... что ты ведешь себя как дура напыщенная. Вот.

Слова упали в сухую траву. Кира охнула, прикрыв рот ладонью. Соня замерла. Яна сделала шаг назад, инстинктивно пытаясь увеличивать расстояние между собой и надвигающейся бедой.

Лицо Алины изменилось мгновенно. Из него ушла всякая девичья миловидность, черты обострились, губы вытянулись в узкую, бледную нитку. В тринадцать лет девочка способна

ненавидеть сильнее, чем взрослый человек, потому что еще не знает границ и не думает о последствиях.

— Повтори, — выдохнула Алина.

— И повторю! — Лера вскочила с камня. Ее сарафанчик колыхался от частого дыхания. — Ты дура. И все тебя боятся просто так. А ты ничтожество. Жаба болотная.

Лера сделала несколько шагов к краю обрыва, туда, где тропинка сужалась, огибая глубокую промоину. Она хотела пройти мимо них, уйти домой, хлопнуть дверью своего детского мира и больше никогда не возвращаться на этот проклятый карьер. Но Алина перегородила дорогу.

— Пропусти, — Лера попыталась толкнуть ее плечом.

— Никуда ты не пойдешь, пока не извинишься, — Алина схватила ее за руку. Тонкие девичьи пальцы впились в кожу Леры, оставляя белые следы.

Началась возня — нелепая, хаотичная, какая бывает только у девчонок, не умеющих драться. Они хватали друг друга за волосы, за одежду, тяжело и со свистом дышали. Кира что-то кричала, подзадоривая Алину. Соня сделала робкую попытку растащить их, но Алина резко оттолкнула ее локтем.

— Отвали! Она сейчас у меня землю жрать будет!

Лера отчаянно вырывалась. Она была слабее, тоньше, но ярость придавала ей сил. Ей удалось больно укусить Алину за запястье. Та вскрикнула от боли, лицо ее перекошилось от бешеной, неконтролируемой злобы. Вложив во вторую руку всю свою силу, весь свой вес, Алина нанесла короткий, яростный удар ладонью в грудь Леры.

Это не был толчок с целью убить. Это была просто попытка отшвырнуть от себя взбунтовавшуюся игрушку.

Но ноги Леры стояли на самом краю уступа. Под ее старыми сандалиями была не твердая почва, а сухая, крошащаяся глина. Глиняный козырек хрустнул. Раздался короткий, сухой шорох осыпающейся земли.

Лера не закричала. Она только широко раскрыла глаза, в которых мгновенно вспыхнул первобытный ужас. Ее руки взмахнули в воздухе, пытаясь ухватиться хоть за что-то — за воздух, за ветку дикой полыни, за край майки Алины. Пальцы скользнули по пустоте.

Она полетела вниз спиной.

Падение длилось секунду. Высота обрыва составляла метра четыре, не больше. Но внизу не было пологого берега. Там сразу начиналась глубина — темная, бездонная воронка карьера, уходящая вниз на глубину трехэтажного дома. Старые затопленные экскаваторы, ржавая арматура, переплетения коряг — все это покоилось на дне, скрытое от солнца вечной ледяной мглой.

Тяжелый, глухой всплеск разорвал тишину. Вода выплеснулась на глиняный склон, оставив на нем темные, быстро впитывающиеся пятна.

Четыре девочки замерли на обрыве, превратившись в соляные столпы. Жара по-прежнему давила на них, солнце слепило, но им вдруг стало невыносимо, до зубовного стука холодно.

— Лера... — хрипло, едва слышно выдавила Яна. Она подползла к краю на коленях, не обращая внимания на то, как острые камни режут кожу.

Вода внизу бурлила. На поверхность поднялась цепочка крупных, маслянистых пузырей. Через несколько секунд из глубины показалась голова Леры. Сарафан облепил ее тело, длинные русые волосы закрыли лицо, похожие на мокрые водоросли. Она судорожно ловила ртом воздух, давилась, кашляла, выплевывая зеленоватую жижу.

— Помогите... — донеслось снизу. Голос Леры был слабым, в нем не осталось прежнего упрямства, только смертельный ужас. — Я не могу... Нога... Зацепилась... Помогите!

Она не умела хорошо плавать — так, держалась на воде по-собачьи несколько минут. А сейчас тяжелая, намокшая ткань сарафана облепила ноги, сковывая движения. К тому же под водой ее явно удерживало что-то еще. Там, в глубине, покоились остатки старой железной сетки, которой когда-то укрепляли склоны.

— Алина, сделай что-нибудь! — Соня закричала, срываясь на визг. — Она утонет! Давай палку, ремень, что угодно!

Кира заметалась по берегу, выискивая глазами длинную сухую ветку, но вокруг росли только низкие, искривленные кусты. Яна уже была готова соскользнуть вниз по склону, чтобы протянуть Лере руку, но Алина резко схватила ее за шиворот и дернула назад, на твердую землю.

— Стоять! — гаркнула Алина. Ее голос изменился. Он стал взрослым, жестким, страшным. — Куда ты лезешь? Она и тебя утнет!

— Ей надо помочь! — плакала Яна, пытаясь вырваться. — Она же умрет!

— Заткнись!

Лера показалась над водой еще раз. Всего на мгновение. Ее лицо было бледным, как кусок мыла, губы посинели. Она посмотрела вверх, прямо на Алину. В этом взгляде не было обиды — только немой вопрос и дикая, нечеловеческая мольба. Вода залилась ей в открытый рот. Лера дернулась, выгнулась всем телом и ушла под воду.

Пузыри шли еще около минуты. Потом все прекратилось.

Вода над местом падения разгладилась, вернула себе прежний вид — черный, глянцевый, непроницаемый. Зеркало карьера снова стало идеальным. Солнечные блики заплесали на его поверхности, как ни в чем не бывало.

Минута тянулась как вечность. Девчонки стояли, боясь вздохнуть. Они ждали, что сейчас Лера вынырнет, рассмеется, скажет, что пошутила. Но никто не появлялся. Озеро молчало. Лес вокруг молчал. Мир вокруг них не рухнул, небо не раскололось от ужаса. Все оставалось прежним — солнце, зной, пыль. И это было самым страшным.

Первой очнулась Алина. Она тяжело дышала, на лбу выступили крупные капли пота. Она посмотрела на свои ладони — те самые, которыми минуту назад толкнула подругу. Руки дрожали.

— Все, — сказала она тихо. — Ее нет.

— Как это — нет? — Кира осела на землю, лицо ее сделалось серым, как пепел. — Надо звать кого-то. МЧС, полицию... Родителей Леры...

— Дура! — Алина подскочила к ней и с силой встряхнула за плечи. — Какую полицию? Нас посадят! Меня посадят! А вы пойдете как соучастницы. Вы все стояли и смотрели. Вы думаете, нам поверят, что это вышло случайно? Нас закроют в колонию для малолеток. Вы этого хотите? Вы хотите себе жизнь сломать из-за этой... из-за нее?

Девочки молчали. Страх перед тюрьмой, перед позором, перед родительским гневом в этот момент оказался сильнее, чем скорбь по погибшей подруге. Страх парализовал их способность мыслить здраво. Они были всего лишь детьми, совершившими непоправимое.

— Никто ничего не видел, — Алина обвела их тяжелым, давящим взглядом. — Мы сюда не приходили. Мы расстались у перекрестка возле магазина в двенадцать часов. Лера сказала, что пойдет домой, потому что у нее голова заболела. Все поняли?

— А если... если тело найдут? — прошептала Соня, вытирая слезы грязными кулаками.

— Здесь глубина двадцать метров, — отрезала Алина. — Там дно завалено хламом. Ее никогда не найдут. Главное — молчать. Всем. Всегда.

Она наклонилась, подняла с земли острый, обломанный кусок гранитного камня. Его край был режущим, как бритва. Алина без колебаний полоснула им по своей левой ладони. Темная, густая кровь мгновенно выступила из пореза, закапала на сухую глину.

— Идите сюда, — приказала Алина. — Будем клясться. Если кто-то проболтается — сдохнет так же, как она. Вода заберет.

Они подходили по очереди, подчиняясь ее страшной, ломающей воле. Кира, Соня, последней — трясущаяся, бледная Яна. Алина делала быстрый, болезненный надрез на их ладонях. Потом они соединили руки в один общий, липкий, горячий узел. Кровь смешивалась с пылью и потом, засыхая черной коркой. Они присягнули на верность своему общему кошмару.

Они уходили с карьера порознь, краем леса, стараясь не попадаться никому на глаза.

Вечером поселок взорвался. Мать Леры бегала по улицам, кричала, звала дочь. Приехала полиция, собрались местные жители, прочесывали перелески и заброшенные дачи. Алину, Киру, Соню и Яну опрашивали следователи. Они говорили четко, как по писаному: «Расстались в двенадцать у магазина. Лера пошла домой». Девчонки держались стойко, страх сцементировал их ложь, сделал ее непробиваемой.

На карьере тоже искали. Водолазы спускались дважды, но дно было слишком опасным, заваленным старой техникой и корягами, видимость — нулевая. Поиски ни к чему не привели. Через месяц дело замяли, списав все на несчастный случай или побег из дома — мало ли подростков убегает летом в большие города?

Постепенно жизнь вернулась в прежнее русло. Подруги окончили школу, разъехались по разным городам, поступили в институты. Они почти не общались — общее прошлое жгло им души, и они старались держаться друг от друга подальше, чтобы не вспоминать тот жаркий июльский полдень.

Глава 1

Кондиционер в салоне серебристого «Хендай» работал на максимуме, но прохлада оставалась зыбкой, искусственной. Стоило опустить стекло на пару сантиметров, чтобы выбросить фантик, как внутрь мгновенно прорывался плотный, удушливый июльский зной. За окном тянулась однообразная стена смешанного леса. Трава на обочинах давно выгорела, превратившись в жесткую сухую солому, а над разогретым асфальтом дрожало прозрачное марево.

Кира уверенно держала руль обеими руками. Ее короткие, аккуратно подстриженные ногти без лака ритмично постукивали по кожаной оплетке в такт игравшей тихой музыке.

На переднем пассажирском сиденье хозяйничала Алина. Она то и дело переключала треки в магнитоле, выискивая что-то пободрее, и громко подпевала очередному поп-хиту. На ней были дорогие солнцезащитные очки и безупречный белый топ, выгодно подчеркивающий загар. Алина выглядела как человек, у которого в жизни все сложилось идеально.

— Девчонки, ну вы чего приуныли? — Алина обернулась назад, ослепив подруг улыбкой. — Мы всего три часа в пути, едем отрываться, а лица такие, будто нас везут на принудительные работы. Соня, оторвись от экрана, заработаешь косоглазие.

Соня, сидевшая справа, недовольно поморщилась, но айфон отложила. Она поправила длинные, явно наращенные локоны пшеничного цвета и внимательно осмотрела свой безупречный неоновро-розовый маникюр.

— Я проверяю геолокацию, — капризным тоном ответила она. — Между прочим, здесь до сих пор ловит четыре джи. Полная шкала. Я думала, в такой глуши мы вообще останемся без связи. Кира, твой навигатор точно показывает правильный путь? Нам еще долго трястись?

— Десять километров по прямой, потом съезд к озеру, — отозвалась Кира, не отводя взгляда от дороги. — Навигатор пишет — пятнадцать минут. Черные Лозы — место уединенное, но цивилизованное. Мой дед там жил до позапрошлого года, пока здоровье не пошатнулось. Дом крепкий, колодец в порядке, баня на участке имеется. Я парню из соседней деревни заплатила, он там к нашему приезду всё прибрал, скосил траву на поляне и дров подготовил. Так что отдых будет с комфортом, не переживай.

Слева от Сони, вжавшись в самый угол и глядя в окно, сидела Яна. Она сжала ладони в замок на коленях и смотрела на мелькающие деревья. На фоне ухоженных, ярких подруг Яна казалась невидимкой: растянута серая футболка, потертые джинсы, волосы собраны в небрежный пучок обыкновенной канцелярской резинкой. Она не участвовала в разговоре с самого начала поездки, и Алина периодически бросала на нее раздраженные взгляды через зеркало заднего вида.

Машина мягко преодолевала дорожные неровности. Громкая музыка успешно глушила ту подсознательную тревогу, которая тяжелым осадком лежала на дне души каждой из них. Они ехали праздновать Купальскую ночь. Вместе. Впервые за десять долгих лет.

Идея этой поездки возникла три месяца назад, в дождливом апреле. Возникла спонтанно и поначалу казалась совершенно дикой.

После того страшного летнего дня на карьере их детская дружба рассыпалась в прах. Они не сговаривались, не устраивали громких ссор со сжиганием мостов. Просто внутри каждой поселился липкий, гноящийся страх, а лица подруг стали невыносимым напоминанием о совершенном грехе. Едва дождавшись окончания школы, они бросились врассыпную, стараясь вычеркнуть родной поселок из памяти.

Алина уехала покорять Москву. Она окончила престижный экономический вуз, устроилась в крупное маркетинговое агентство и быстро обросла нужными связями. Она выковала из себя жесткую, циничную карьеристку, которая никогда не смотрела назад.

Кира осталась в областном центре, занялась недвижимостью. Она удачно перепродавала квартиры, обзавелась собственной машиной и квартирой в новостройке.

Соня перебралась в Санкт-Петербург. Она пыталась вести быти-блог, жила за счет состоятельных мужчин и тратила кучу времени на создание иллюзии роскошной жизни в социальных сетях.

Яна оказалась самой незаметной. После скромного регионального колледжа она вернулась в их родной поселок, устроилась архивариусом в местную администрацию и жила тише воды, ниже травы, ухаживая за больной матерью.

Только Соня с Кирой продолжали дружить. Конечно, они виделись крайне редко, так как жили в разных городах, но активно поддерживали связь между собой в интернете, а также изредка перекидывались несколькими словами с Алиной. А вот Яна практически полностью прекратила с ними общение, и даже удивительно было то, что в этот раз она всё-таки решила поехать.

События начали закручиваться, когда в общем чате мессенджера, который не обновлялся со времен выпускного класса, появилось сообщение от Киры.

«Девчонки, привет. Нам в этом году исполняется по двадцать три. Уже десять лет прошло... Ну, вы сами понимаете. Я подумала, сколько можно бегать друг от друга? Мы связаны одной веревочкой, хотим мы этого или нет. Давайте встретимся. У меня есть идеальное место — дедовский хутор Черные Лозы. Там никого нет вокруг, озеро, чистый воздух. Отпразднуем Купалу, погадаем, отдохнем, снимем это дурацкое многолетнее напряжение. Пора отпустить прошлое».

Первой ответила Алина. Ее сообщение было коротким и емким:

«Я в деле. Пора закрыть этот геистальт».

На самом деле Алина смертельно устала бояться. Ночные кошмары, в которых к ее кровати подходила мокрая девочка в ситцевом сарафане в мелкий цветок, замучили ее до предела. Ей казалось, что если они соберутся вместе, посмотрят друг другу в глаза и увидят, что все они — нормальные, живые взрослые люди, то детские страхи окончательно рассеются. Озеро далеко, Лера глубоко, жизнь продолжается.

Соня согласилась из чистого прагматизма. Накануне отъезда она опять серьезно поругалась со своим женихом Максимом. Она всё ещё очень надеялась затащить его в ЗАГС и построить идеальную семейную жизнь, а эта поездка казалась отличным способом заставить его поскучать, понервничать и обдумать своё поведение. К тому же свободными деньгами она сейчас не располагала, а тут подворачивался бесплатный отдых в живописном уединенном месте. Там можно было сделать сотни атмосферных фотографий в неофолк-стиле для своего блога. Подписчики обожали тему древних славянских обрядов, костров и мистики.

Труднее всего оказалось с Яной. Она прочитала сообщения, но ничего не ответила. Тогда Алина позвонила ей лично. Разговор получился тяжелым. Яна плакала, умоляла оставить ее в покое, говорила, что не сможет притвориться, будто ничего не произошло.

Но Алина умела давить на слабые места. Она жестко напомнила Яне про клятву на крови. Напомнила, что молчание — это их общий контракт, и если одна из деталей механизма начнет сбоить, развалится вся конструкция, похоронив под обломками всех четверых. Яна испугалась, сломалась и согласилась.

И вот теперь они сидели в одном автомобиле, разрезая колесами душный июльский день. — Кира, притормози у того магазина! — Соня ткнула пальцем в лобовое стекло.

На обочине, у самого поворота на грунтовую дорогу, стоял покосившийся кирпичный павильон с блеклой вывеской «Продукты». Рядом с входом на деревянном ящике сидела дряхлая старуха в теплом платке, несмотря на тридцатиградусную жару. Перед ней стояло ржавое ведро с охапками полыни и какими-то мелкими полевыми цветами.

— Зачем тебе? У нас полный багажник еды и алкоголя, — буркнула Кира, притормаживая у обочины. — Да и на участке в Черных Лозах и вокруг озера травы полным-полно, хоть на десять венков хватит.

— Мне нужны *правильные* травы! — Соня уже отстегивала ремень безопасности. — Какой праздник Купалы без обрядов? Там вокруг озера растет обычная сорная трава, а здесь у бабули полынь, зверобой, Иван-да-Марья. Их нужно обязательно добавить в венки, каждой из нас, если мы хотим сделать всё по правилам и традициям. Какой праздник Купалы без обрядов? Мы же договаривались. Будем плести венки, пускать по воде со свечами. Это отличный контент.

— Контент, — передразнила Алина, но тоже вышла из машины, чтобы размять затекшие ноги. — Ладно, давайте купим у бабули этот веник, спонсируем местную экономику.

Яна осталась в салоне. Она проводила подруг взглядом и поплотнее прикрыла за ними тяжелую дверь. Внутри машины сразу стало тихо, только мерно шуршал кондиционер, выдувая струйки холодного воздуха. Ей было душно от нехороших предчувствий. Каждым нервом своего тела она чувствовала: эта поездка — огромная, непоправимая ошибка. Но повернуть назад уже невозможно.

Возле магазина Соня повсю общалась со старухой.

— Бабушка, а это полынь? А зверобой есть? Нам для венков нужно, купальская ночь ведь сегодня!

Старуха медленно подняла голову. Ее лицо, покрытое густой сетью глубоких, грязноватых морщин, напоминало печеную картошку. Выцветшие, почти белые глаза остановились на Соне, затем перевелись на подошедшую Алину.

— На Купалу-то? — скрипучим, надтреснутым голосом переспросила она. — К озеру, значит, намылились? В Черные Лозы?

— А вы откуда знаете? — удивилась Кира, забирая из ведра охапку пахучих, горько пахнущих стеблей.

— Так туда дорога одна, — старуха указала сухой, узловатой рукой в сторону лесной просеки. — Не ходили бы вы туда, девки. Нехорошее это время. Озеро в эту ночь не спит. Оно проснулось уже, ждет. Чужих оно не любит. А тех, у кого совесть нечиста, и подавно утянет. Обратно никто не возвращался, кто его в эту ночь разбудил.

Алина брезгливо поморщилась и дернула плечом.

— Ой, бабуля, избавьте нас от этих деревенских страшилок. Мы городские, в русалок и водяных не верим. Сколько с нас за траву?

Она бросила на деревянный ящик крупную купюру, не дожидаясь сдачи, и резко развернулась к машине. Кира и Соня поспешили за ней. Соня бережно прижимала к груди охапку диких трав, от которых по всему салону тут же разнесся резкий, одуряющий запах полыни.

— Ну и бабка, жуть какая, — хихикнула Соня, усаживаясь на заднее сиденье. — Прямо персонаж из дешевого хоррора. «Оно проснулось, оно ждет...» Ролик с этой озвучкой залетит в топ, точно вам говорю.

— Хватит болтать, поехали, — оборвала ее Алина. Ее лицо на секунду стало жестким, из глаз исчезло напускное веселье. Слова старухи задели какую-то болезненную струну в ее памяти, заставив сердце сделать тяжелый, неровный толчок.

Кира включила передачу, и «Хендай» съехал с асфальта на проселочную дорогу.

Грунтовка оказалась вполне приличной. Машину почти не трясло, колеса глухо шуршали по плотно утрамбованному песку, перемешанному с сухой хвоей. Навигатор на приборной панели исправно вел стрелку вперед, до цели оставалось всего пять километров. Экран мобильного телефона Сони по-прежнему показывал уверенный прием связи, все палочки были на месте. Все шло на удивление гладко. Атмосфера глухой изоляции, которой они подозна-

тельно опасались, не наступала — цивилизация держала их за руку через спутники и вышки сотовой связи.

Лес вокруг становился все гуще, темнее. Деревья подступали к самой кромке дороги, смыкая кроны высоко над крышей машины. Солнечные лучи пробивались сквозь листву золотыми столбами, подсвечивая кружащуюся в воздухе мелкую пыль. Это было красиво, умиротворяюще.

Вскоре деревья расступились, открывая крутой спуск к речной долине. Дорогу преграждала неширокая речка, зажатая между обрывистыми глиняными берегами. Сейчас, в разгар июльской жары, она выглядела совсем безобидной переплюйкой — спокойная, мелкая вода едва скрывала песчаное дно.

Через русло был перекинут старый деревянный мост. Его толстые бревенчатые опоры, потемневшие от времени и сырости, глубоко уходили в дно. Ржавые металлические скобы намертво скрепляли тяжелые балки, а по бокам тянулись простые деревянные перила.

Кира сбросила скорость. Колеса «Хендай» медленно въехали на настил. Толстые доски под весом машины отозвались глухим, протяжным скрипом, эхом разнесшимся над тихой водой.

— Он нас точно выдержит? — с опаской спросила Соня, глядя в окно на глинистый обрыв внизу.

— Не дрейфь, — Кира аккуратно направляла машину строго по центру. — Он только выглядит хлипким. Дед по нему на груженом УАЗике ездил, опоры тут дубовые, на века ставили.

Машина перекатилась на другой берег, и стон досок стих. Мост остался позади, словно невидимый рубеж, отрезавший их от остального мира, а грунтовка снова нырнула под своды вековых сосен.

— Слушайте, а ведь хорошо, что мы выбрались, — негромко сказала Кира, глядя в зеркало заднего вида на притихшую Яну. — Посмотрите вокруг. Воздух какой! В городе дышать нечем от асфальта и гари, а тут... Свобода.

— Да, места тут роскошные, инстаграмные, — согласилась Соня, уже делая первое видео на фоне лесного пейзажа. — Яна, ну ты чего как на поминках сидишь? Улыбнись хоть. Мы же отдыхать приехали. Все старое прошло, забудь. Мы молодые, успешные, у нас вся жизнь впереди.

Яна через силу выдавила подобие улыбки.

— Да, все нормально. Просто голова немного разболелась от дороги.

— Сейчас приедем, пустим в ход холодное шампанское, и все как рукой снимет, — пообещала Алина. Она снова расслабилась, вернув себе привычную роль лидера. — У нас грандиозный план на вечер. Сначала обустроиваемся, потом жарим мясо, а как стемнеет — идем к воде. Кира, кострище на берегу нормальное?

— Отличное, дед всегда там рыбу коптил. Прямо у мостков. Там поляна чистая, трава скошена... должна быть. Место уединенное, девчонки. Вам понравится.

Машина преодолела небольшой затяжной подъем, и лес впереди внезапно расступился, открывая простор. Навигатор коротко пискнул, оповещая о прибытии в конечную точку, и замолк.

Перед ними открылась широкая круглая поляна, полого спускающаяся к воде. В самом центре стоял добротный бревенчатый дом под шиферной крышей, окруженный невысоким палисадником. Окна дома были закрыты деревянными ставнями, отчего он казался заброшенным, глубоко спящим. Чуть в стороне виднелась небольшая банька и колодезный сруб.

Но главным здесь было озеро.

Оно раскинулось огромным, идеальным кругом, зажатое со всех сторон плотным кольцом черного векового бора. Вода в нем была странного, густого темного цвета. На ее поверхно-

сти не было ни единой морщинки, ни одного всплеска рыбы. Озеро выглядело как гигантский кусок отполированного обсидиана, в котором неподвижно отражалось пронзительно-синее июльское небо и застывшие верхушки сосен.

Кира повернула ключ в замке зажигания. Мотор заглох. Музыка в салоне мгновенно погасла.

На девчонок обрушилась плотная, абсолютная тишина. Не было слышно ни шума далеких трасс, ни лая собак из соседних деревень, ни крика птиц. Только тяжелый, горячий лесной воздух неподвижно стоял над поляной, пахнувший смолой, сухой травой и едва уловимой болотной гнилью.

— Ну вот мы и на месте, — выдохнула Алина, открывая тяжелую дверцу машины.

Она первой ступила на мягкую, примятую колесами траву хутора Черные Лозы. Настроение у всех, кроме Яны, снова поползло вверх. Впереди их ждали длинные, теплые летние выходные, полные веселья, девичьих разговоров и старинной магии Купальской ночи. Ловушка захлопнулась так мягко и незаметно, что ни одна из них не почувствовала, как шевельнулась черная вода у самого берега, приветствуя их.

Глава 2

Раскаленный металл кузова пощелкивал, остывая. Алина сделала несколько шагов вперед по высокой некошенной траве и замерла, подставив лицо палящему солнцу. После трех часов в замкнутом пространстве салона, да еще и пропитанном последние пятнадцать минут одуряющим запахом полыни, этот воздух показался ей чистым и свежим, хотя в нем отчетливо читались ноты нагретой сосновой смолы, речного ила и сухой, растрескавшейся земли.

— Ну и глушь, — Соня выбралась из машины, брезгливо оглядывая свои белые кроссовки, на которые тут же налипли серые семена подорожника. — Кира, ты уверена, что твоего парня из деревни не съели местные волки? Что-то я не вижу следов его бурной деятельности. Трава у крыльца мне по колено.

— Не придирайся, Сонь, — Кира уже стояла у багажника, гремя ключами. — Парень скопил поляну перед мостками и вокруг кострища, я же говорила. А у забора и задний двор ему ровнять никто не заказывал. Скажи спасибо, что он в такую жару вообще согласился поработать.

Дом выглядел обитаемым, пусть и старым. Толстые бревна от времени и дождей почернели, местами пошли глубокими продольными трещинами, но стояли ровно, без перекосов. Высокий фундамент из дикого камня оброс бледным сухим мхом. Ставни на окнах первого этажа были распахнуты, и в темных стеклах отражалось безоблачное июльское небо. От здания веяло надежностью, той деревенской прочностью, которую не могут разрушить десятилетия одиночества.

Яна вышла последней. Она не стала подходить к дому, а остановилась у капота машины, глядя прямо перед собой — туда, где за узкой полосой песчаного берега начиналось озеро.

Оно поражало. Огромный круг воды, правильный, без выступов и заливов, лежал посреди лесного массива. Лес обступал его плотной, непроницаемой стеной, и казалось, сосны на том берегу стоят прямо в воде, уходя корнями в глубину. Но поражало не это. Вода была абсолютно, сверхъестественно неподвижной. На ее поверхности не было даже легкой ряби, какую обычно оставляет полуденный бриз. Озеро казалось гигантским диском из темного мазута или литого стекла. В нем мертвой хваткой застыли отражения облаков и деревьев. Ни одна рыба не плеснула у берега, ни одна водомерка не нарушила этот покой.

— Вода какая-то странная, — тихо сказала Яна. Ее голос прозвучал блекло на фоне шума, который устроили подруги у багажника.

Алина резко повернулась на ее голос. Ее брови сошлись у переносицы, но она тут же расправила лицо, вернув ему выражение снисходительного спокойствия.

— Обычная вода, Яночка. Торфяное дно, вот она и темная. Хватит стоять столбом, бери пакет с углем. Нам еще дом открывать и продукты раскладывать.

Кира уже поднялась по трем высоким ступеням деревянного крыльца. Тяжелый железный ключ с тихим скрежетом повернулся в старом замке. Дверь поддалась не сразу, закрипела, обсыпав плечи Киры мелкой известью, но открылась. Наружу вырвался застоявшийся, прохладный воздух. В нем смешались запахи сушеной мяты, старой древесины, мышиного помета и пыли. Это был типичный запах заброшенного жилья, в котором давно никого не было.

— Заходите, — Кира прошла внутрь, бросив связку ключей на старый обеденный стол, покрытый потрескавшейся клеенкой в мелкий цветочек. — Располагаемся. На первом этаже кухня, гостиная и большая комната деда, на втором — две гостевые спальни. Места всем хватит.

Внутри дом оказался на удивление просторным. Первый этаж делился на две взаимосвязанные зоны.

Кухня была большой и удобной: вдоль стены тянулся деревянный гарнитур с дребезжащими ящиками и полками, где теснилась разномастная посуда, а в углу стопочкой ютились старые разделочные доски и кастрюли.

Широкий дверной проем вел в просторную гостиную. Центр комнаты занимал старый, потертый диван с потемневшей от времени обивкой, перед которым примостился небольшой журнальный столик, а чуть в стороне стояло глубокое кресло. На бревенчатых стенах висели пожелтевшие фотографии в простых деревянных рамках — хмурые лица людей из другой эпохи — и дедовские трофеи в виде высушенных щучьих голов с раскрытыми пастьми, полными мелких острых зубов.

Но больше всего внимания привлекал дальний угол гостиной. Там, прислоненное к стене, стояло массивное напольное зеркало в человеческий рост в тяжелой резной раме. Потемневшая амальгама покрылась мутными пятнами, и отражение комнаты в нем казалось глухим и искаженным.

Соня сразу же прошла к окну гостиной, брезгливо отодвинув пальцем занавеску из плотного ситца.

— Так, связь ловит, но интернет стал медленнее, — констатировала она, лихорадочно листая экран. — Фотографии грузит, а вот видео уже виснет. Ладно, для сторис хватит. Кто со мной на второй этаж? Я занимаю комнату с видом на озеро.

— Комнаты делим поровну, — Алина вошла в дом, неся в каждой руке по тяжелому пластиковому пакету из супермаркета. — Мы с Яной займем одну спальню, вы с Кирой — вторую. Так будет честно. Кира, где тут холодильник?

— Холодильник еще не работает, Алин, — Кира развела руками. — Электричество дед отключил перед больницей, а щиток на столбе снаружи. Я сейчас пойду включу рубильник, проводка должна быть в порядке. А пока складывайте скоропортящееся в погреб, вон люк в полу у кухни. Там круглый год лед держится.

Люк в полу представлял собой квадратную крышку из толстых досок с утопленным железным кольцом. Алина подошла, потянула за кольцо. Дерево поддалось со стоном, открывая зев глубокого, темного подпола. Оттуда мгновенно потянуло могильным, пронизывающим холодом и сыростью. Глубоко внизу, в темноте, тускло блеснула вода — видимо, грунтовые воды стояли.

Наверху раздался грохот — Соня обустраивала свое гнездо, двигая тяжелые стулья. Алина вышла на крыльцо.

На поляне Кира и Яна уже разматывали толстый резиновый шланг, протягивая его от выведенной на улицу трубы к бане.

— Надо залить баки, чтобы к вечеру все было готово, — деловито сообщила Кира, открывая уличный вентиль. Шланг дернулся, наполняясь ледяной водой.

Они работали быстро, без лишних слов. Физический труд помогал заглушить то неловкое, натянутое молчание, которое то и дело возникало между ними. Они вели себя как строительная бригада, четко распределив обязанности: Кира отвечала за баню и дрова, Алина взяла на себя кухню и маринад для мяса, Соня занималась декорациями и подготовкой к празднику, а Яна была на посылках у всех, молча выполняя любые поручения.

К четырем часам дня дом преобразился. Пыль была сметена, столы вымыты, на кухне ровными рядами стояли пластиковые контейнеры с едой, бутылки с вином и соком. Старый холодильник «Саратов» трудился на пределе возможностей, сотрясая деревянные стены своим монотонным гулом.

Соня, закончив протирать полки, устало опустилась на тяжелый деревянный стул и обмахнулась влажной салфеткой.

— Я просто плавлюсь от жары, — пожаловалась она, смахивая испарину со лба. — В доме душно, дышать нечем. За цветами для венков пойдем уже ближе к вечеру, когда солнце немного спадет. А сейчас — Кира, ты обещала купание.

— Поддерживаю, — Алина стянула через голову влажную от пота футболку. — Пошли на озеро. Надо смыть с себя эту пыль.

Девчонки гурьбой вышли на улицу. Жара достигла своего пика. Раскаленный воздух обжигал легкие, и перспектива окунуться в прохладную воду казалась спасением. Они прошли по мягкой скошенной траве к деревянным мосткам, на ходу скидывая шорты и майки.

Мостки были длинными, сложенными из толстых, потемневших от воды досок. Они уходили в озеро метров на десять.

Кира первой ступила на дерево. Доски глухо закрипели под ее кроссовками. Она дошла до самого края и заглянула вниз.

— Глубина здесь сразу идет, — сказала она, оборачиваясь к подругам. — Дед говорил, у берега мелко, а у края мостков — сразу метра три. Дна не видно. Вода чистая, но из-за торфа кажется черной.

Алина подошла к ней. Она посмотрела вниз, в эту темную, неподвижную гладь. На секунду ей показалось, что из глубины, сквозь толщу черной воды, на нее смотрит бледное лицо с огромными немигающими глазами. Сердце Алины пропустило удар. Она зажмурилась, тряхнула головой и снова открыла глаза. Ничего не было. Только ее собственное отражение, искаженное легким колебанием досок, и черные силуэты деревьев.

— Вода холодная? — спросила Алина, стараясь, чтобы ее голос звучал буднично.

Кира присела на корточки и опустила ладонь в воду. Она тут же отдернула руку, слегка поморщившись.

— Ледяная. Сверху вроде прогрелась, а снизу прямо ключи бьют. Сводит пальцы. Купаться ночью будет весело.

— Зато бодрит, — Алина решительно шагнула вперед. Она осталась в черном слитном купальнике, выгодно подчеркивающим фигуру. — Я первая.

Она подошла к краю, сжала зубы и прыгнула рыбкой прямо в черную гладь.

Тяжелая вода сомкнулась над ее головой ледяным панцирем. Холод ударил по вискам мгновенно. Алина вынырнула, судорожно хватая ртом горячий воздух. Озеро не освежало — оно забирало тепло жадно, стремительно. Торфяная взвесь делала воду абсолютно непроницаемой: ниже груди тело исчезало во мраке, растворялось в чернильной темноте.

Алина сделала несколько резких гребков от берега. Под ногами ощущалась пугающая, бездонная пустота. Внезапно ледяное течение скользнуло по ее правой икре, плотно мазнув по коже чем-то длинным и мягким. Водоросль. Обычная озерная водоросль. Но сердце Алины пропустило удар, в горле встал комок паники. Она резко развернулась и быстро, с силой загребая воду, поплыла обратно к мосткам.

— Ну как? — крикнула Соня, переминаясь с ноги на ногу в своем ярком розовом бикини.

— Отлично! — Алина ухватила за край доски и подтянулась, тяжело дыша. Вода стекала с нее ручьями. — Нырай, только сразу, иначе не зайдешь.

Соня завизжала, зажав нос рукой, и прыгнула следом. Ее визг оборвался громким всплеском. Через секунду она вынырнула, отплеываясь и ругаясь сквозь стучащие зубы. Кира спустилась в воду осторожнее, держась за деревянные сваи.

Яна осталась стоять на берегу. Она не стала раздеваться. Мелкая дрожь била ее при одном взгляде на то, как черная вода поглощает тела подруг, оставляя на поверхности только их головы.

— Яна, давай к нам! — позвала Кира, отфыркиваясь. — Тут на глубине вода чище!

— Я не буду, — голос Яны дрогнул. — У меня... живот болит. Я на берегу посижу.

Она опустилась на траву, обхватив колени руками. Десять лет назад Лера тоже барахталась в такой же темной воде. Яна до боли сжала челюсти, отворачиваясь к лесу, чтобы не видеть блестящую гладь черного зеркала.

Купание продлилось недолго. Долго выносить этот подземный холод было невозможно. Спустя пять минут девчонки одна за другой выбрались на мостки. Кожа у всех покрылась крупной гусиной кожей, губы слегка посинели. Жара на берегу сразу показалась мягкой и приятной. Они быстро растерлись полотенцами.

Соня тут же достала телефон и начала настраивать штатив прямо на досках.

— Так, встаньте все у края. Сделайте вид, что смотрите на закат и общаетесь. Яна, иди к нам, хватит там сидеть!

Яна нехотя поднялась и подошла, но остановилась в двух шагах от воды.

— Отличный кадр, — Соня щелкнула затвором. — Все, подготовка окончена. Солнце почти зашло.

Солнце действительно уже склонялось к вершушкам сосен на противе.

Глава 3

Сумерки поглотили хутор быстро, без долгих переходов от света к тени. Солнце просто провалилось за зубчатую кромку леса на противоположном берегу, не оставив после себя даже бледного свечения на горизонте. Воздух мгновенно остыл, потяжелел и наполнился густым запахом сырой земли, смешанным с ароматом перезревших трав.

— Так, девчонки, откладываем пока всё и идем переодеваться, — Соня хлопнула в ладоши, с сияющими глазами подзывая подруг. — Я еще в чате писала: на Купалу нужны белые сорочки! Надеюсь, никто не забыла?

— Сонь, ты серьезно? — Алина недовольно поморщилась, скрестив руки на груди. — Это же как-то тупо. Мы в этих длинных балахонах будем выглядеть как какие-то сектантки на выезде. Что за детский сад?

— Никакой это не балахон, а аутентичный стиль! — Соня упрямо уперла руки в бока, не намереваясь уступать. — Я специально заранее всех предупреждала, капсом в чат писала, чтобы все взяли с собой легкие белые сорочки. Без них вся атмосфера рушится! Фотки и видео должны получиться просто бомбические: мы в белом, с венками, у огня и на фоне черной воды. Алина, не занудствуй, ты же сама хотела «закрыть гештальт». Потерпишь немного!

— Ладно, убедила, эстетка ты наша, — сдалась Алина, хотя и закатила глаза. — Идем надевать твои ночнушки.

Спустя десять минут все четверо вернулись во двор. На Алине тонкая белая ткань смотрелась невероятно эффектно: она распустила по спине тяжелую волну каштановых волос, достающих до самой талии, и в неверном свете уличного фонаря над крыльцом смотрелась как древняя жрица. Соня сияла, поправляя кружевную сорочку с открытыми плечами, Кира выглядела по-деловому собранной даже в простом хлопковом платье свободного кроя, а Яна в своей длинной, до пят, сорочке казалась бледным призраком, потерявшимся во времени. В этой душной июльской темноте белые ткани смотрелись странно и даже немного жутковато.

Соня вытащила из дома огромную плетеную корзину с травами, купленными у старухи. Она вывалила содержимое прямо на грубо сколоченный деревянный стол, стоящий посреди двора. Воздух взорвался горьким, концентрированным запахом полыни и пыльной сухостью зверобоя.

— Этого мало, — безапелляционно заявила Соня, перебирая подвявшие стебли с явным разочарованием на лице. — Бабка подсунула нам половину сухостоя. Для основы нужны свежие, гибкие ветки, иначе венки развалятся на воде. Идем к забору, там полно папоротника и каких-то длинных плетей.

Они вооружились кухонными ножами. Трава за домом, вплотную подступающая к ветхому штакетнику, росла густо, в рост человека. Стебли хрустели под лезвиями, выделяя липкий, вязущий сок. Яна резала зелень молча, методично опуская нож на толстые стебли лопухов. Она старалась не смотреть в сторону озера. Темнота над водой стояла абсолютная, непроницаемая. Ни звезд, ни луны сегодня не предвиделось. Небо затянуло ровной, глухой серой пеленой.

Кира принесла огромный ворох папоротника. Резные листья щекотали обнаженные предплечья, оставляли на коже влажные следы и мелкие, зудящие красные царапины. Девушки свалили свежую зелень на стол, перемешав ее с полынью и ромашками. Образовалась внушительная гора растительности, источающая одуряющий, колдовской аромат.

— Приступаем, — скомандовала Алина, усаживаясь во главе стола. — Кира, доставай вино. Плести на сухую — плохая примета.

Кира принесла две пузатые бутылки красного сухого вина и стальной штопор. Пробка вышла из горлышка с громким, почти неприличным в окружающей тишине хлопком. Вино

полилось в пластиковые стаканчики, пачкая прозрачные стенки густыми бордовыми подтеками. Жидкость выглядела темной, почти черной, напоминая ту самую озерную воду, в которой они недавно купались.

— За нас, — Алина первой подняла стакан. — За то, что мы выжили в этом безумном году, вырвались из города и добрались сюда. За нашу свободу.

Вино оказалось терпким, тяжелым, с отчетливым привкусом дубовой бочки и перспелой вишни. Оно сразу ударило в голову, разливая по телу горячую волну обманчивого тепла и расслабления. Мышцы, стянутые напряжением, наконец начали размягчаться.

Процесс плетения захватил их целиком. Руки механически переплетали гибкие стебли, укладывали бледные головки ромашек поверх темной зелени полыни, закрепляли конструкцию жесткими ветками папоротника. Сок трав вьедался в подушечки пальцев, красил ногти и кутикулу в стойкий зелено-коричневый цвет. Запах стоял невыносимо густой. Полынь оседала горечью в горле, зверобой отдавал дорожной пылью, а свежий сок лопуха охлаждал губы вместе со вкусом красного вина.

Разговор завязался сам собой. Алкоголь быстро разрушил внутренние барьеры, снял фильтры, обнажив то, что обычно прячется за вежливыми улыбками и лайками в социальных сетях.

Соня, уже допивая второй стакан, начала жаловаться на своего жениха. Ее голос потерял привычную жеманность, стал громким, резким и обиженным.

— Он просто трус, понимаете? — она с силой затянула узел из травы на своем венке, едва не порвав стебель. — Два года обещает свадьбу. Заливает мне в уши про идеальное торжество на Комо, про то, что нужно накопить. А сам прячет деньги на отдельный счет. Я видела выписки у него в ноутбуке. Он переводит туда половину зарплаты. Думает, я слепая дура.

Кира усмехнулась, не отрываясь от работы. Ее пальцы двигались быстро, ловко вплетая желтые цветки зверобоя в зеленую основу.

— Все мужики трусы, Сонь. И не только в отношениях. Мой начальник в логистической компании полгода подводил меня под увольнение. Специально давал заведомо провальные проекты, чтобы освободить мое место для своей тупой племянницы. Пришлось играть грязно. Я собрала на него полный пакет компромата по откатам от региональных поставщиков. Положила ему на стол папку и сказала: либо я становлюсь руководителем направления, либо эти документы летят прямиком к учредителям. Зато теперь сидит тихо, шелковый стал. Каждое утро кофе мне приносит, улыбается.

— Вы слишком много думаете о других, — протянула Алина. Она плела свой венок медленно, выверяя каждое движение, формируя идеальный, симметричный круг. — Проблема кроется в вас самих. Вы позволяете людям вытирать о себя ноги, а потом жалуетесь на несправедливость. Надо быть жестче. Жизнь никому не дает желаемого просто так, за красивые глаза или терпение. Надо брать самой. Выгрызать свое зубами. Если ты не сожрешь конкурента, он сожрет тебя. Это базовый закон.

Яна молчала. Она сидела на самом краю скамьи, ссутулившись, и бездумно крутила в руках сломанный стебель ромашки. Ее венок выходил кривым, жидким. Травы распадались, не желая складываться в ровный узор.

— А ты, Яна? — Алина перевела на нее тяжелый, сканирующий взгляд. — Все так же протираешь юбку в своей районной библиотеке за сущие копейки?

— Меня перевели в архив, — тихо ответила Яна, не поднимая глаз от стола. — Там спокойно. Никто не трогает. Работаю с документами.

— Спокойно, — презрительно фыркнула Соня, наливая себе еще вина до самых краев. — Ты в свои двадцать три года добровольно поставила на себе жирный крест. Ни нормальной работы, ни амбиций, ни мужика хорошего, ни шмоток. Сидишь в этой пыли, перекладываешь бумажки и стареешь раньше времени.

Яна не обиделась. Возражать не имело смысла, это была голая правда. Архив действительно стал ее добровольным убежищем, глухой раковиной, в которой она надежно спряталась от агрессивного внешнего мира, от шумных людей, от необходимости принимать решения и, главное, от собственных воспоминаний. Запах старой бумаги, клея и книжной пыли успокаивал ее расшатанные нервы гораздо лучше любых транквилизаторов. Там, среди стеллажей с мертвыми документами, она чувствовала себя в безопасности.

— Оставьте ее в покое, — неожиданно резко заступилась Кира, отодвигая свой наполовину готовый венок в сторону. — Ей так комфортно. У каждого своя зона комфорта. Не всем же быть зубастыми акулами капитализма, идущими по головам, как ты, Алина.

Алина лишь снисходительно, криво улыбнулась уголками губ. Но на долю секунды маска непробиваемой, успешной бизнес-леди дала трещину. Лицо осунулось, обнажив глубокую усталость, залегшую в темных кругах под глазами. Ее успех стоил ей хронической бессонницы, панических атак по ночам и абсолютного, звенящего одиночества в огромной пустой квартире с панорамными окнами на центр города. Но признаваться в этом здесь, перед ними, она не собиралась.

Вино лилось рекой, бутылки быстро пустели. Градус разговора повышался. От болезненных уколов в адрес друг друга они плавно перешли к общим, безопасным темам. Они вспоминали старшие классы школы, первую нелепую любовь, смешные и неловкие случаи из студенческой жизни. Громкий, искренний смех разносился над поляной, бился о толстые бревенчатые стены старого дома и глож в густой, влажной траве двора.

Иллюзия нормальности стала плотной, осязаемой. В эти минуты исчезло то страшное прошлое, связавшее их кровавым узлом. Исчезла тайна дикого карьера. Остались только четыре молодые женщины, давние подруги, приехавшие отдохнуть на природу от городского стресса. Старые обиды стерлись, растворились в терпком красном вине и горьком соке купальских трав. Они снова чувствовали себя единым целым, той самой неделимой четверкой, способной свернуть горы.

Но чем громче они смеялись, чем раскованнее становились их позы, тем плотнее смыкалась тишина вокруг хутора Черные Лозы.

Яна первая обратила на это внимание. Она перестала плести и замерла, вслушиваясь в темноту.

Лес не откликался на их веселье. Обычно летняя ночь за городом наполнена тысячами звуков: оглушительным треском цикад, монотонным кваканьем лягушек в камышах, уханьем сов, писком комаров, шорохом мелких хищников в подлеске. Но здесь царило абсолютное безмолвие. Ни один лист на деревьях не шелохнулся. Ни одна ночная птица не подала голос. Воздух оставался мертвенно неподвижным, густым, давящим на барабанные перепонки. Эта тишина была неестественной. Она не успокаивала, она угрожала. Озеро поглощало любые звуки, не давая им эха.

— Вы слышите? — Яна перебила Соню на полуслове.

— Что мы должны слышать? — Соня недовольно поморщилась. — Я тебе про кольцо с бриллиантом рассказываю, а ты перебиваешь.

— Ничего. Мы не слышим абсолютно ничего, — Яна обвела рукой окружающий мрак. — Ни кузнечиков, ни лягушек. Даже комаров нет. Совсем.

Кира прислушалась. Улыбка медленно сползла с ее лица. Она поставила пластиковый стаканчик на стол.

— Действительно. Странно. Обычно у воды мошкары полно, сожрать должны были заживо. А тут ни одного укуса. Наверное, из-за торфяного дна и холодных ключей насекомые здесь не плодятся. Экосистема такая. Дед говорил, место тут глухое, специфическое.

— Хватит нагнетать, биологи-любители, — Алина решительно отложила в сторону готовый венок. — Меньше комаров — меньше чесаться будем. Радоваться надо.

К десяти часам вечера работа была полностью завершена. Венков получилось несколько. Четыре тяжелых, плотных зеленых круга ровно лежали на досках стола. Соня бережно установила в центр каждого хитросплетения трав толстую свечу в пластиковой гильзе. Остальные, более простые и легкие, девушки надели себе на головы.

— Девочки, мы просто настоящие лесные нимфы! — Соня в восторге поправила свой венок, любуясь отражением в темном экране смартфона. — А ну-ка, все идите сюда, давайте сделаем общее селфи! Покажем всем нашу аутентичность.

Она вытянула руку с телефоном повыше, собирая подруг в кадр. Экран осветил их раскрасневшиеся от алкоголя лица, белые сорочки и травяные короны холодным, неестественным светом. Сделав десяток снимков, она недовольно цокнула языком:

— Сеть пропала окончательно. Даже значок антенны перечеркнут. Ну и плевать, завтра утром до трассы доедем — выложу сторис. Будет бомба.

Яна посмотрела на свой тяжелый венок со свечой, лежащий на столе. Он получился откровенно уродливым. Асимметричный, рыхлый. Белые головки ромашек поникли и пожелтели по краям, ветки полыни торчали в разные стороны кривыми шипами. Конструкция выглядела очень ненадежной. Рядом с идеальным, круглым и тугим венком Алины поделка Яны казалась злой насмешкой над праздником. Да и тот легкий венок, что был сейчас у нее на голове, неприятно колол кожу жесткими стеблями.

— Пора разводить костёр, — Алина тяжело поднялась из-за стола. В густом полумраке двора ее фигура в белой сорочке не растворилась, а, напротив, резко выделилась ярким, почти призрачным силуэтом на фоне черного леса. Тень от крупного венка из папоротника на ее голове легла на лицо темной маской. — Время подошло. Несите венки со свечами к берегу, сложите их на мостках. Я пойду за жидкостью для розжига.

Яна послушно взяла свое творение со стола. Оно оказалось неожиданно тяжелым, влажным, пачкающим ладони липким соком.

Они прошли мимо припаркованного у покосившегося забора кроссовера Киры. В сгустившемся мраке массивный кузов автомобиля казался холодным, мертвым куском металла, выброшенным на берег. Остывший двигатель больше не щелкал. Машина, их единственное средство связи с цивилизацией, молчала, сливаясь с общей ненормальной тишиной хутора Черные Лозы.

Яна шла последней. Двумя руками она несла, держа на отлете, свой уродливый, разваливающийся венок со свечой. Трава колола голые руки. Впереди, на самом краю скошенной поляны, прямо у начала длинных деревянных мостков, чернела внушительная гора сухих сосновых веток и толстых поленьев.

— Ставьте венки на мостки, — скомандовала Алина. Поправляя свой темный папоротниковый венец на голове, она говорила глухо, ее голос лишился привычного звонкого металла. Озеро сожрало звук, не позволив ему разлететься эхом.

Девушки аккуратно положили свои травяные кольца на старые доски. Яна пристроила свой венок с краю, стараясь не смотреть на воду. Черная гладь находилась всего в метре от них. Она не отражала ничего. Ни единого блика.

Алина подошла к дровам. В руке она держала пузатую пластиковую бутылку с жидкостью для розжига. Резкий, химический запах парафина ударил в нос, на мгновение перебив тяжелый болотный дух. Алина щедро полила дрова, не жалея жидкости. Прозрачная струя с шипением впитывалась в сухую древесину.

— Отойдите. Соня, давай спички, — бросила она.

Соня, зябко поведя плечами под тонкой тканью длинной белой сорочки, торопливо протянула ей коробок обычных кухонных спичек, который прихватила из дома.

Чиркнула серная головка. Маленький желтый язычок дрогнул в неподвижном воздухе. Алина поднесла его к торчащей ветке.

Огонь вспыхнул мгновенно. Раздался громкий, утробный хлопок, и столб ревущего оранжевого пламени рванул вверх, осветив поляну. Жар ударил по лицам обжигающей волной. Яна инстинктивно отшатнулась, прикрыв глаза ладонью.

Костер занялся с невероятной жадностью. Сухая сосна трещала, стреляла искрами в глухое, беззвездное небо. Свет выхватил из темноты лица подруг. Тени заплясали на их скулах, делая черты резкими, хищными, незнакомыми. Огонь был живым, агрессивным. Он пытался разогнать мрак, но темнота вокруг хутора оказалась сильнее. Свет костра очертил круг радиусом в пять метров, а дальше начиналась непроницаемая глухая стена.

Самым жутким оказалось то, как на свет отреагировало озеро. Обычная вода блестела бы, ловила блики, отражала танцующие языки пламени. Черное зеркало хутора лишь слегка подсветилось у самого берега грязным, ржавым оттенком, а вся остальная масса осталась матово-черной. Озеро поглощало свет так же жадно, как и звуки.

— Ну вот, другое дело, — удовлетворенно выдохнула Кира. Она притащила два широких бревна и положила их полукругом с наветренной стороны. — Садитесь.

Яна повернулась лицом к озеру, поежилась и аккуратно опустилась на бревно.

Водоем молчал. Черная ровная гладь полностью сливалась с темнотой наступившей ночи, стирая границу между песчаным берегом и бездонной водной толщей. Озеро ждало. И Яна физически, всем своим дрожащим телом ощутила этот тяжелый, направленный на нее взгляд — холодный, голодный, невероятно древний, поднимающийся с самого илистого дна прямо ей в душу. Венок на ее голове вдруг показался свинцовым обручем, болезненно сдавившим виски. Праздник наступал, и отменить его было уже невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.